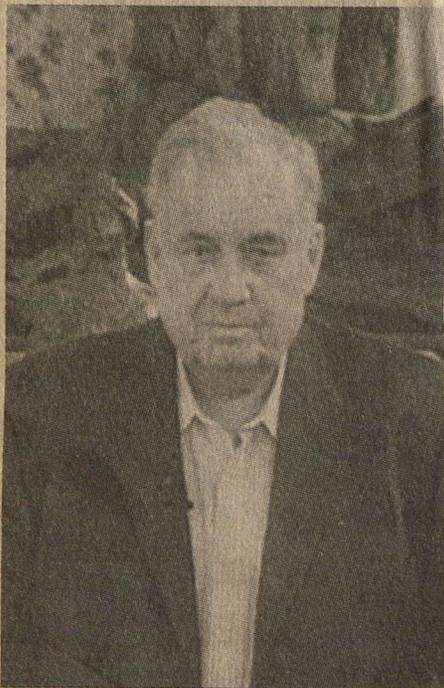

у них были сложности эротического порядка

СЛАВА ТАРОЩИНА

На Первом канале стартовал цикл Эльдара Рязанова «Поговорим о странностях любви». Тайна двоих давно уже стала самым ходовым товаром на ТВ. И чем больше плодилось подобных программ, тем выше поднимался градус страстей.

Призвав зрителей «поговорить о странностях любви», Эльдар Рязанов начал с Достоевского

Сейчас, когда по Муз-ТВ идут повторы с Еленой Хангой «Про это», выяснилось: то был один из самых целомудренных проектов. Хотя бы потому, что в нем соблюдался баланс между замыслом и воплощением. В остальных «любовных» вариациях романтическая мелодрама неизменно смешивалась с гинекологическим кабинетом. В последний год мода на эдакий гламур для бедных, казалось, сходит на нет. Даже стоявший у истоков движения Владимир Комиссаров, прародитель «Моей семьи», обрел другую семью, возглавив парламентский комитет по информационной политике. И вот — новый всплеск интереса.

Боевое знамя высоко поднял Эльдар Рязанов. У Рязанова давний и плодотворный «роман» с ТВ. Он, пожалуй, единственный из мастеров ушедшей эпохи, вписанный и сегодня в телевизионный мейнстрим. У Рязанова были взлеты: интервью с его же любимыми актрисами, от Гурченко до Ахеджаковой, — глубокие, блистательные образцы жанра. У Рязанова были падения: он создал некую субкультуру, осененную своими памятными датами (любой, даже самый яркий юбилей, особенно если он выполнен в форме капустника, не терпит механического переноса на экран). Но чего уж точно не было у Рязанова, так это «странностей любви».

Странности начинаются с выбора персонажа — это давно ушедшие знаменитые люди. Идея на редкость плодотворна. Во-первых,

целина; во-вторых, к услугам авторов вся мировая культура; в-третьих, никто морду не набьет и даже в суд не подаст. Одним словом, Клеопатра во всех смыслах предпочтительнее Маши Распутиной.

В работе с документальным материалом существует два подхода: автор или следует букве и духу первоисточника, или действует по известной методе Юрия Тынянова — «там, где кончается документ, начинаюсь я». В новом проекте жизнь вершится как бы с белого листа. И действительно — еще никто не пробовал уложить Достоевского в таблоидный формат. Оказывается, можно. Главное — начисто забыть о попытках предшественников.

Мысль на высоком челе ведущего рождается прямо в кадре: «Я бы назвал эту программу «Три любви Достоевского». И ни звука о том, что именно так назвал свою книгу Марк Слоним. Впрочем, кого нынче удивить плагиатом? Настораживает другое. С одной стороны, еженедельная массовая программа с подобной тематикой обречена на поспытину: все должно быть простенько, с сексуальным подтекстом, иначе зритель нас не поймет. С другой стороны, искажается оптика, судьба Достоевского предстает в превратном (для тех, кто о ней хоть что-нибудь знает) свете.

Три любимые женщины Достоевского — Марья Дмитриевна, Аполлинурия Прокофьева,

Анна Григорьевна — выстраиваются в затылок друг другу и выводятся на плац. Дело, однако, в том, что достоверных сведений о первой из них почти не существует. Более того, судя по всему, авторы руководствовались в основном субъективнейшими воспоминаниями дочери писателя. И тут имеются свои нюансы. Когда умер отец, ей было одиннадцать лет. Так что мемуары сочинялись много лет спустя, с подачи матери. Общеизвестно: Анна Григорьевна отчаянно ревновала мужа к своим предшественницам. Ведь она, единственная из его любимых женщин, не стала прототипом героинь романов Достоевского. И вообще, как полагает Рязанов, «у них были сложности эротического порядка...»

Впрочем, уровень телеосмысления реальности нынче таков, что даже и это можно было бы простить авторам. Как и сомнительный видеоряд: с помощью анимационной техники высокая человеческая драма сужоживается до комиксов. Труднее простить другое. Наши телевизионные Шехерезады, от Радзинского до Вульфа, тоже безгрешны по части истины, но они хотя бы чувствуют аромат эпохи. Рязанов его не чувствует, он не в материале, он пришлый, что отражается на всем уровне программы, вплоть до ее лексического строя.

Проект только начался. Своей порции «странностей любви» покорно ждут Горький, Пастернак, Грин, Герцен и Огарев.

Ryazanov D. Taroshina

И. О. Д. 04.